

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 68—82
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 68—82
ББК 60.723.5
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.6

**СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСЛОКАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ**
(На примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана)

Г. Ф. Хилажева

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Академия наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия, hilazhevagf@isi-rb.ru

Анализируются результаты социологического исследования, проведенного в 2018 г. в селах и малых городах Башкортостана. Опрошено по 200 супружеских пар в двух категориях семей — вахтовых мигрантов и контрольной группы (не вовлеченных во временную занятость). Временная трудовая занятость рассматривается как одно из условий включения современной семьи в транслокальные миграционные процессы, формирования нового типа транслокальных отношений между мигрантом и семьей. Отмечается, что транслокальная миграция выступает фактором трансформации внутрисемейных отношений, ведет к положительным социально-экономическим эффектам в жизни семьи, но имеет и ряд негативных последствий, вызванных длительным отсутствием супруга (трудности, связанные с ведением хозяйства, домашнего быта, воспитанием детей, физическим и социально-психологическим самочувствием супругов), и является вынужденной мерой в стратегии жизнеобеспечения семьи.

Ключевые слова: транслокальная миграция, временная трудовая занятость, вахтовые мигранты, семья.

**MODERN FAMILY IN THE CONTEXT
OF TRANSLOCAL MIGRATION**
(On the example of shift migrants families in Bashkortostan)

G. F. Khilazheva

Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences
of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation, hilazhevagf@isi-rb.ru

The article analyzes the results of a sociological study conducted in 2018 in the villages and small towns of Bashkortostan. 200 married couples were interviewed in two categories: shift migrants families and the control group (not involved in temporary employment). Temporary employment is considered to be a condition for the inclusion of the modern family

© Хилажева Г. Ф., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-020028.

in translocal migration processes. The study allowed us to draw the following conclusions. In the conditions of regular long-term absence of the spouse, stable translocal connections of the migrant with the family are formed in the families of shift migrants. Almost all shift migrants seek to compensate for their physical absence by regular communication with their spouse and children; by discussing topical issues of the family's economic and social life. Gender attitudes and behavior of shift migrants and their spouses in the sphere of intra-family relations are characterized by a significant gap between ideas about the ideal, correct type of intra-family relations (which is mainly egalitarian), and real behavior in everyday life (which in its content is traditional and gender-marked). At the same time, in families of shift migrants, traditional gender stereotypes and norms of behavior are declared and produced to a much lesser extent than in the control group of families, both in the distribution of household responsibilities and in matters of leadership in the family. The consequences of temporary labor migration for families of shift migrants are not clear. Along with the obvious positive effects that are manifested in the economic life of the family, there are a number of difficulties in managing the economy, life in rural areas, raising children, and physical and socio-psychological well-being.

Key words: translocal migration, temporary employment, shift migrants, family.

Проблема исследования

Одной из основных тенденций современного развития института семьи является рост ее вовлеченности в миграционные процессы. Так, в России с 2015 по 2018 г. численность мигрантов, прибывших со своей семьей или членами семьи, выросла с 1,7 до 1,9 млн человек (с 37 до 40 % от числа всех прибывших внешних и внутренних мигрантов)¹.

В условиях глобализации все более распространенной становится так называемая циркулярная форма миграции, в процессе которой мигранты с определенной периодичностью возвращаются на прежнее место жительства — в регионы и страны исхода, в свои семьи, родственные и социальные группы. Чаще всего к ним относят международных трудовых мигрантов².

Во второй половине XX в. в зарубежной социальной антропологии и социологии для интерпретации последствий процессов циркулярной миграции были предложены концепции транснациональной и транслокальной миграции. В рамках транснационализма (Н. Г. Шиллер, Р. Роуз и др.) рассматривается феномен современного «трансмигранта», который не привязан только к одному месту, а живет в нескольких местах и включен одновременно в несколько сообществ [Кайзер, Бредникова, 2004: 133]. При этом благодаря развитию новых электронных технологий, интернет-коммуникаций «трансмигрант» способен

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015, 2018 гг. / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 10.12.2019).

² По одному из определений Европейской экономической комиссии, циркулярная миграция — это последовательность международных перемещений, во время которой одно и то же лицо проживает минимум в двух странах более одного раза, где получает временное или постоянное место жительства. См.: Коллективная попытка определить циркулярную миграцию: доклад Европейской экономической комиссии на Конференции европейских статистиков, рабочая сессия по статистике миграции населения, Кишинев, Республика Молдова, 10—12 сентября 2014 г. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.10/2014/mtg1/WP_25_Mexico_ru (дата обращения: 12.12.2019).

совмещать физическое отсутствие в каком-либо сообществе с социальным присутствием и участием и создавать «транснациональное социальное пространство», развивать и поддерживать самые разнообразные трансграничные взаимоотношения — семейные, экономические, социальные и т. д. [Бредникова, Ткач, 2010: 73].

Транснациональная миграция охватывает все больше семей. Выделяют возможные модели транснациональной заботы и ухода, социального и семейного поведения, транснационального прародительства [Толстокорова, 2013: 102]. Идеям трансграничной миграции близка концепция транслокальности (А. Аппадурай), согласно которой в условиях глобализации происходит увеличение «детерриториализованных» групп, что способствует возникновению новых «транслокальных солидарностей» [Макарова, 2013: 36]. Транслокальность — частный случай транснациональных миграций, при которых «мобильность... циркуляции и пространственные взаимодействия» происходят в пределах одной страны [Капустина, 2017: 28].

В России к транслокальным миграциям можно отнести временную трудовую (вахтовую) миграцию россиян, в которую в условиях социально-экономической нестабильности включаются все больше семей. Согласно данным Росстата, численность лиц, временно работающих за пределами своего региона, с 2011 по 2018 г. выросла в стране с 1,9 до 3 млн человек, т. е. более чем в 1,5 раза³. Современные исследования вопросов временной трудовой занятости, проведенные в России Ю. М. Плюсниним, Н. В. Мкртчяном, Ю. В. Флоринской, Т. Г. Нефедовой и другими учеными, показывают значительные масштабы, сложность и противоречивость этого явления (см.: [Плюснин и др., 2013; Между домом... , 2016; Флоринская и др., 2015]).

Ученые определяют современную вахтовую занятость как одну из форм пространственной (географической) мобильности населения, как явление, аналогичное временной сезонной занятости крестьян в дореволюционной России (отходники), но в то же время имеющее свои особенности; как один из способов адаптации населения к сложившимся социально-экономическим условиям [Плюснин и др., 2013: 16; Между домом... , 2016: 75—78].

Численность временных трудовых мигрантов различается в субъектах РФ. Среди них выделяется Республика Башкортостан, которая лидирует среди всех регионов (за исключением Московской и Ленинградской областей) по абсолютной численности временных трудовых мигрантов. В 2018 г. она составляла более 161 тыс. человек, или более 8 % занятых в экономике⁴.

Социологические данные по Республике Башкортостан показывают, что более половины вахтовых мигрантов имеют семьи — состоят в браке и являются родителями несовершеннолетних детей. Наибольшую долю вахтовых мигрантов составляют жители сел (63—66 %), малых и средних городов (18—20 %)⁵.

³ О межрегиональной трудовой миграции в 2018 году / Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.htm (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Данные социологических исследований «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (2015 г., объем выборки 6264 человек) и «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» (2019 г., объем выборки 1000 человек).

По нашим расчетам, проведенным на основе данных администраций муниципальных образований Республики Башкортостан, в среднем около 10 % сельского трудоспособного населения составляют вахтовые мигранты⁶. Таким образом, можно говорить о том, что в Республике Башкортостан значительная часть семей, особенно в сельской местности, малых и средних городах, включена в процессы транслокальной миграции, т. е. миграции, которая имеет циркулярный характер и протекает в границах одной страны.

Каковы последствия этого явления для современной семьи? Как формируются транслокальные связи между вахтовыми мигрантами и их семьями? Как отражается длительное отсутствие супруга на характере внутрисемейных отношений, гендерных установках и поведении мужчин и женщин?

Выдвижение гипотезы. Постановка задачи

По мнению ряда исследователей, транснациональная/транслокальная семья, в которой регулярно отсутствует кто-либо из супругов, не имеет возможностей для качественного выполнения основных социальных функций (защитной, воспитательной, социализационной, первичного контроля и др.). Несмотря на преимущества новых информационно-коммуникационных технологий, которыми пользуются для поддержания семейных отношений на больших расстояниях, они не способны заменить межличностное общение [Толстокорова, 2013: 99; Когай и др., 2013].

В то же время, на наш взгляд, семьи временных трудовых мигрантов переживают качественно новые проявления последствий миграционных процессов и в них более интенсивно происходит трансформация традиционных семейных ценностей, традиционного характера внутрисемейных отношений, чем в семьях, которые не вовлечены во временную трудовую миграцию (данный тезис нами выдвигается как гипотеза настоящего исследования).

Задача статьи — провести социологический анализ воздействия транслокальной миграции на трансформацию института семьи. В работе рассматриваются следующие вопросы:

1) формирование транслокальных связей мигранта с членами семьи, степень его социальной близости с семьей во время физического отсутствия (участие в семейных делах и воспитании детей);

2) гендерные установки вахтовых мигрантов и их супругов в сфере внутрисемейных отношений и их поведение (разделение домашних обязанностей, отношение к проблеме лидерства в семье);

3) оценка последствий транслокальной миграции для семьи у супругов (трудности, положительные и отрицательные стороны участия в вахтовой миграции, отношение к вахтовой миграции как к стратегии жизнеобеспечения семьи).

Методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования является концепция транслокальной миграции, согласно которой участники внутренней трудовой миграции взаимодействуют с членами своей группы в едином транслокальном пространстве (А. Аппадурай).

⁶ Данные администраций муниципальных образований Республики Башкортостан о численности временных трудовых мигрантов в республике за 2015—2018 гг.

Методика исследования опирается на разработки отечественных ученых (Н. В. Мкртчян, Ю. В. Флоринская), которыми было осуществлено исследование временной трудовой миграции в малых городах России с применением как количественных, так и качественных методов. В рамках их работы был проведен опрос трудовых мигрантов, а также членов двух категорий домохозяйств — имеющих вахтовых мигрантов в своем составе и не имеющих [Мкртчян, Флоринская, 2015: 74]. На основе этого подхода нами были опрошены две группы семей. Первая — экспериментальная (семьи вахтовых мигрантов); вторая — контрольная (семьи, в которых супруги не участвуют в вахтовой занятости, условно мы их обозначили как «обычные» семьи).

Исследование было проведено в Башкортостане в двух малых городах и пяти удаленных от центра республики сельских муниципальных районах на северных, южных, западных и восточных границах Башкортостана⁷. Относительно низкий уровень социально-экономического развития данных территорий является типичным для большинства малых городов и сельских районов на периферии республики.

Критериями отбора в обеих группах семей были длительность нахождения в браке (не менее одного года) и возраст (от 20 до 59 лет). В экспериментальной группе один из супругов в течение последних трех лет на момент проведения опроса (2016—2018 гг.) выезжал на работу за пределы своего населенного пункта на срок от пяти дней до нескольких месяцев⁸. В контрольной группе ни один из супругов в течение 2016—2018 гг. не имел опыта участия в вахтовой занятости.

В каждой группе семей было проведено стандартизованное интервью с супругами по месту жительства респондентов (по 200 семейных пар). Общий объем выборки составил 800 человек.

Результаты исследования⁹

Степень вовлеченности вахтовых мигрантов в семейные дела. Для определения степени и характера социального участия вахтового мигранта в жизни семьи выявлялись следующие стороны этого взаимодействия:

- 1) частота, форма, содержание общения с семьей на выезде;
- 2) участие отцов — вахтовых мигрантов в воспитании несовершеннолетних детей (на выезде и дома); субъективная оценка этого участия со стороны обоих супругов.

Находясь вдали от дома, практически все вахтовые мигранты общаются со своими семьями: ежедневно — 86,0 %, три-четыре раза в неделю — 10,0 %, один-два раза в неделю — 2,2 %. В основном общение происходит через мобильную связь (92,0 %) или же Интернет (51,0 %) — социальные сети, видеозвонки и т. д.

⁷ Малые города — Баймак, Давлеканово; сельские районы — Ермакеевский, Зилаирский, Краснокамский, Мечетлинский, Хайбуллинский.

⁸ Данный критерий отбора вахтового мигранта основан на подходах Н. В. Мкртчяна и Ю. В. Флоринской [Мкртчян, Флоринская, 2015: 21].

⁹ Для проведения корректного сравнительного анализа в гендерном разрезе в данной статье рассматриваются семьи временных трудовых мигрантов, в которых на заработки выезжает муж (в целом по выборке в 10 % семей на временные заработки выезжает женщина).

Наиболее часто обсуждаются бытовые, хозяйственные, финансовые вопросы семьи, общие семейные дела и проблемы детей (рис. 1). Супруги интересуются здоровьем друг друга, детей, родственников, а также разговаривают на другие темы («как дела в деревне», «какая погода» и т. д.). Темы, связанные с детьми, чаще упоминаются женщинами, с общими семейными делами — мужчинами.

Общаются со своими детьми каждый день 58,2 % вахтовиков, три-четыре раза в неделю — 22,6 %, один-два раза в неделю — 10,2 %, два-три раза в месяц — 2,3 %. Вахтовики также часто разговаривают с родителями (59,4 %), другими родственниками (44,0 %) и друзьями (23,4 %).

По мнению 75 % вахтовых мигрантов, находясь вдали от дома, они довольно сильно вовлечены в семейные дела, проблемы членов своей семьи. Этого же мнения придерживаются и 73 % их супруг. Лишь 25 % вахтовиков и 15 % их жен считают такую связь слабой. Около 10 % жен вахтовиков указали, что их мужья совсем не вовлечены в дела семьи (среди самих вахтовиков данной точки зрения придерживаются лишь 0,6 %).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы чаще всего Вы обсуждаете с супругом/супругой, когда он работает на выезде / когда работаете на выезде», %

На вопрос об участии в воспитании детей отвечали только те респонденты, которые на момент опроса имели несовершеннолетних детей. Находясь дома, более половины вахтовых мигрантов (63,8 %) располагают достаточным временем, которое могут уделить воспитанию детей; редко имеют такую возможность около пятой части (22,1 %); менее десятой части (9,3 %) совсем не располагают временем для воспитания; затруднились с ответом около 5,0 % респондентов.

Значительная доля вахтовых мигрантов — 72,9 % — оценили степень своего участия в воспитании детей во время пребывания дома как высокую, 22,1 % — как среднюю, 5,0 % — как низкую. К этим ответам близки субъективные оценки мужей из контрольной группы семей («обычные» семьи) (рис. 2).

Вахтовые мигранты оценили степень своего участия в воспитании детей и во время пребывания на выезде. Высокой ее считают 37,2 % вахтовиков, средней — 29,3 %, низкой — 33,6 %. Супруги вахтовиков оценивают степень участия своих мужей в воспитании детей несколько выше (рис. 2).

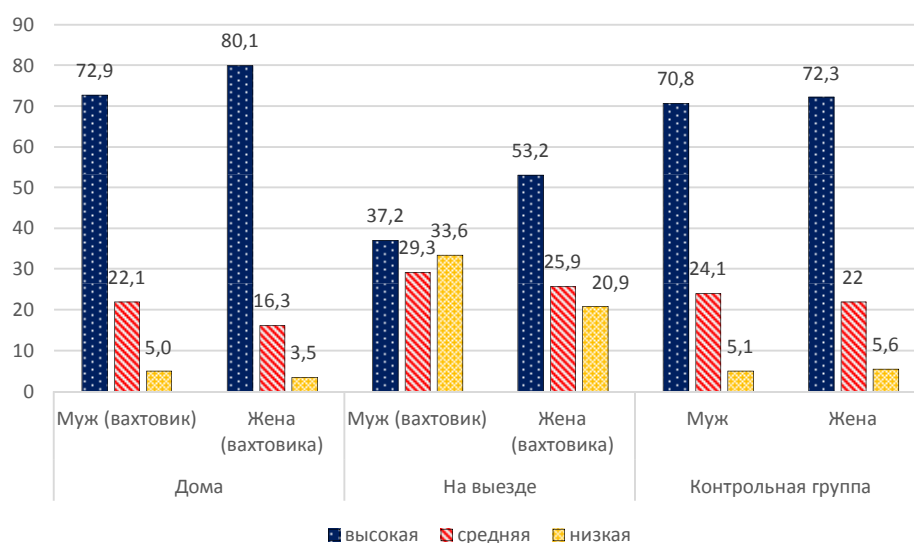

Рис. 2. Оценка степени участия мужей в воспитании детей у супругов в разных категориях семей, %

Вахтовикам были заданы вопросы об их непосредственном вкладе в воспитание детей во время пребывания дома: 1) провожают ли они ребенка на учебу, в детский сад, кружки и т. д.; 2) помогают ли в подготовке домашних заданий.

Большая часть опрошенных в обеих категориях семей (от 41,3 до 47,8 %) ответили, что нагрузка по сопровождению детей на занятия и обратно распределена между супругами равномерно (рис. 3). Более 29 % супругов в семьях вахтовых мигрантов и около 40 % в контрольной группе семей указали, что она лежит полностью на плечах женщины. То, что в это вовлечены только мужчины, отметили 18,4 — 24,0 % респондентов из семей вахтовиков и 8,8 — 9,4 % из «обычных» семей.

На вопрос о помощи детям в подготовке домашних заданий около половины респондентов ответили, что это главным образом забота женщины (47,8 — 51,8 % из семей вахтовиков и 56,3 — 57,6 % из «обычных семей»). Несколько меньше доля тех, кто отметил, что помогают ребенку оба супруга (36,0 — 38,2 % респондентов из семей вахтовиков и 26,6 — 27,2 % из контрольной группы семей). Редко звучали ответы о том, что помощь в учебе оказывается только мужчинами (рис. 4).

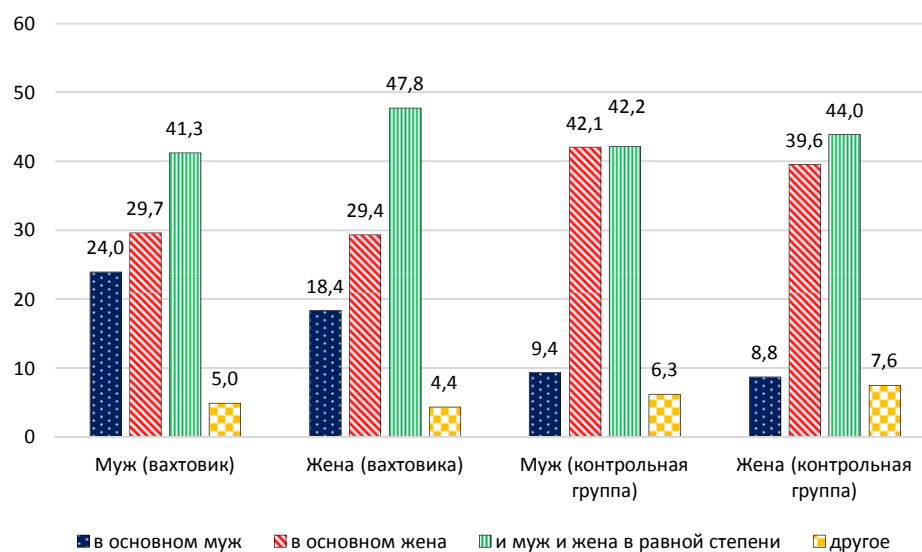

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Кто обычно сопровождает детей на занятия?», %

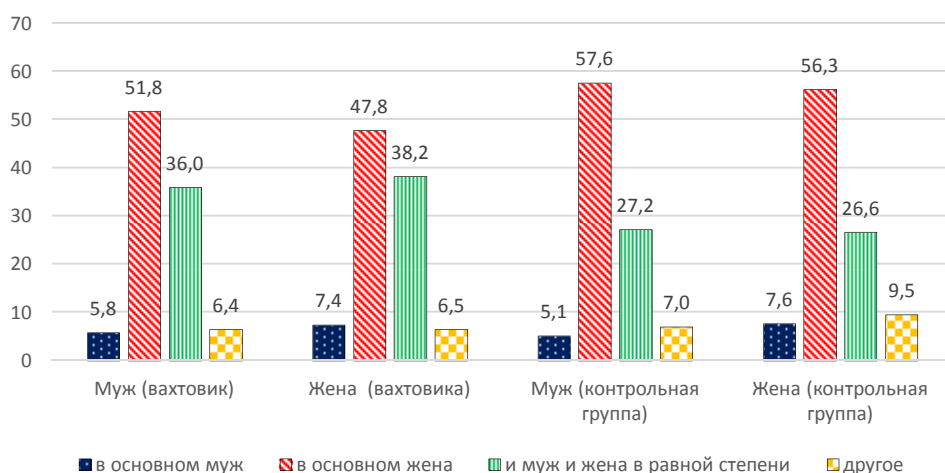

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Кто обычно помогает детям делать уроки?», %

Таким образом, вахтовые мигранты достаточно часто общаются со своей семьей, большая часть — ежедневно (благодаря сотовой и интернет-связи). С супругами общение происходит намного чаще, чем с детьми, родителями и другими родственниками.

Определенная доля отцов несовершеннолетних детей считают, что на выезде они имеют возможность заниматься воспитанием детей, вовлечены в их дела и проблемы. Важно, что, несмотря на снижение оценок степени участия

вахтовых мигрантов в воспитании детей, сохраняются и даже несколько возрастают средние оценки этого участия на выезде.

Во время пребывания дома вахтовые мигранты сильнее, чем мужья из контрольной группы семей, вовлекаются в определенные виды заботы и ухода за детьми, в частности, они чаще сопровождают детей на занятия и обратно.

Если вклад отцов в оказание помощи детям в учебе в обеих категориях семей одинаков, то масштабы только женского участия относительно больше в контрольной группе семей, совместного — в семьях вахтовых мигрантов.

Гендерные установки на внутрисемейные отношения и поведение в семье. Данная проблема рассматривалась через такие показатели, как:

- 1) распределение домашней работы между супругами,
- 2) отношение супругов к вопросу о лидерстве в семье.

Социологические исследования, проведенные в разных городах России в последние два десятилетия, показывают, что распределение домашней нагрузки является наиболее консервативной областью семейных отношений, одним из ярких проявлений доминирования стереотипных способов дифференциации семейных ролей [Задворнова, 2014: 51, 52].

Среди предложенных 12 видов домашней работы большая часть опрошенных выделила преимущественно «женские» и преимущественно «мужские». В основном женами выполняются: стирка и глажение, уборка по дому, мытье полов, посуды, приготовление еды, оплата счетов; только мужчины производят мелкие починки в доме; совместно супругами осуществляется работа по уходу за домашней скотиной и птицей, работа в саду, огороде, закупка продуктов; затапливают печь и ходят за водой или мужья, или совместно оба супруга.

Анализ гендерного распределения домашней работы в разных категориях семей показывает, что загруженность женщин в «обычных» семьях значительно выше, чем в семьях вахтовых мигрантов. В последних мужчины больше вовлечены в совместное выполнение разных, в том числе традиционно женских, видов работы. Например, уборку и мытье посуды производят совместно в 16,6 % семей вахтовиков и 8,3 % семей контрольной группы; приготовление еды — в 26,5 и 11,9 % семей соответственно.

В целом, как видно, во всех категориях семей распределение домашних работ между мужчинами и женщинами вполне традиционно. Однако, по мнению большей части респондентов (75—76 % из семей вахтовых мигрантов и 65—67 % из контрольной группы), в их семьях в реальной жизни сложилось равное распределение домашних обязанностей, в нем нет явной гендерной асимметрии. Именно такое распределение является «правильным», считают от 84 до 90 % мужчин и женщин.

Традиционных взглядов на распределение домашней работы, согласно которому она полностью должна лежать на плечах женщины, придерживается меньшая доля респондентов (от 3,0 до 7,6 %), в основном они представлены мужчинами из «обычных» семей.

При определении отношения к вопросу о лидерстве в семье было выявлено, что наибольшую долю среди опрошенных составляют сторонники эгалитарной модели семьи (рис. 5, а). Равноправными отношения должны быть в «идеальной», «правильной» семье, считают от 85,8 до 92,3 % супругов в обеих

категориях семей; в реальной жизни так сложилось в 75,5 — 83,5 % семей. Патриархальные представления о главенстве мужчины в семье характерны для 5,5 — 10,6 % мужчин и женщин; чуть больше тех респондентов, кто придерживается такой стратегии, — от 8,5 до 15,0 % (рис. 5, б). При этом в обеих группах семей среди них преобладают женщины. Значительный разрыв наблюдается между «идеальной» и реальной ситуацией, когда речь заходит о лидерстве женщин в семье (рис. 5, в). Сторонников такого подхода среди опрошенных практически нет (0,5 — 0,6 %). Однако, по мнению супругов, в реальной жизни лидерство женщин сложилось в 4,4 — 5,7 % семей вахтовиков и 5,0 — 8,5 % «обычных» семей. Указанные ответы чаще давали мужчины, в основном из контрольной группы семей.

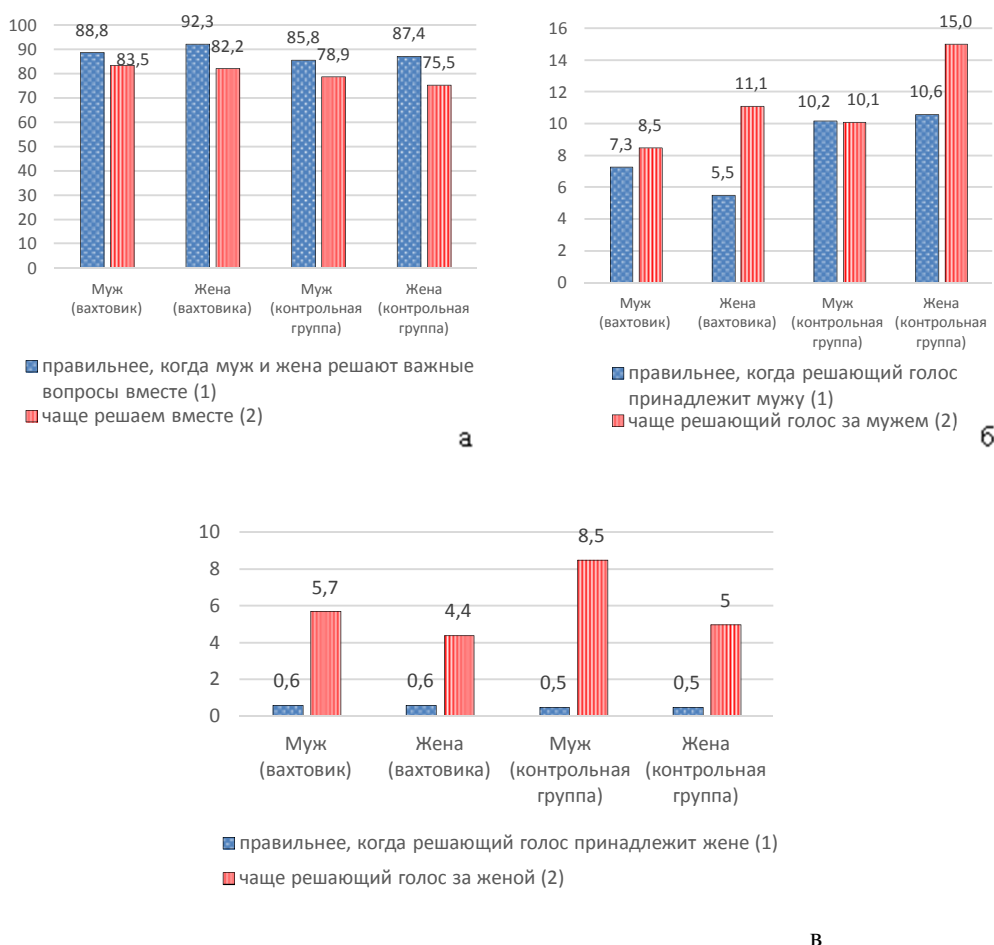

Рис. 5. Распределение ответов на вопросы «Кому в современной семье должен принадлежать решающий голос при обсуждении важных вопросов — мужу или жене?» (1) и «Кому в вашей семье чаще всего принадлежит решающий голос при обсуждении важных вопросов?» (2), %

Итак, гендерные установки респондентов на внутрисемейные отношения и их поведение можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, семьи вахтовых мигрантов демонстрируют более эгалитарные отношения, чем «обычные» семьи. И в «идеальной», и в реальной ситуациях вахтовики и их супруги реже считают, что домашнюю работу следует выполнять только женщине, а главенство в семье должно быть закреплено за мужчиной. Среди них больше сторонников равноправных отношений супругов и при выполнении домашней работы, и при решении важных семейных вопросов.

Во-вторых, в обеих категориях семей наблюдается значительный разрыв между установками супругов и их поведением («идеальные» установки более эгалитарны, реальное поведение в семье более традиционно и гендерно-дифференцировано, особенно в семьях, не вовлеченных во временную занятость).

Оценка последствий транслокальной миграции для семьи вахтовых мигрантов. В ходе исследования женам вахтовых мигрантов были заданы вопросы о проблемах, с которыми они сталкиваются во время отсутствия супруга. Во-первых, женщины должны были указать, испытывают ли они трудности, когда остаются одни во время вахты мужа. 14,4 % женщин ответили, что не испытывают никаких трудностей при выполнении домашней работы, у 31,8 % сложности появляются при воспитании детей. Очень большие трудности возникают в сфере домашнего быта и хозяйства у 16,0 % женщин, при воспитании детей — у 7,6 %. Более половины женщин ответили, что испытывают трудности, но небольшие (68,0 % — при ведении домашнего хозяйства; 52,4 % — при воспитании детей).

Во-вторых, женщины должны были более подробно рассказать о проблемах, с которыми они сталкиваются. Каждая пятая (20,5 %) указала, что во время отсутствия супруга проблемы связаны как с конкретными видами хозяйственной работы — работой во дворе, уборкой снега, подъемом тяжестей («во время бурана, снегопада тяжело откапывать двор», «тяжело смотреть коров, овец»), мелкими починками в доме, ремонтом бытовой техники, так и с тем, что им тяжело в целом («в общем тяжело», «нужна мужская сила», «трудно справиться по дому, хозяйству»).

Перед женщинами остро встает и проблема передвижений между населенными пунктами («проблемы выезда куда-либо», «съездить в райцентр, больницу»). Это отметила примерно каждая десятая опрошенная жена вахтового мигранта (11 %). Около 7 % женщин признались, что им трудно без мужской заботы и внимания, им «скучно» и «одинок», «мало времени приходится уделять себе». Когда речь заходила о сложностях, связанных с воспитанием детей, женщины говорили, что им «приходится везде брать с собой детей», «иногда дети не слушаются», возникают «трудности по воспитанию и учебе детей» (5 %).

В-третьих, женщины должны были назвать позитивные и негативные последствия участия мужей в вахтовой миграции. Среди отрицательных моментов, которые возникают в связи с регулярным отсутствием мужа на вахте, женщины на первое место поставили увеличение работы по дому, хозяйству (70,2 %). Остальные негативные последствия отмечаются гораздо реже: «больше устаю» (28,2 %), «меньше времени для воспитания детей и общения с ними» (25,4 %), «не чувствую себя в безопасности» (24,9 %), «ухудшилось мое здоровье»

(11,6 %). В то же время некоторые женщины указали, что в связи с отсутствием мужа у них появилось больше времени, которое они могут уделять себе (14,5 %), и возможность быть более самостоятельной (11,7 %). Эти положительные стороны пребывания мужа на выезде отмечаются намного реже по сравнению с другими, среди которых преобладают: повышение денежных доходов семьи (67,0 %), рост возможностей для совершения покупок (продукты, одежда, товары длительного пользования) (51,4 %), улучшение жилищных условий семьи (41,3 %).

Вахтовые мигранты также констатировали, что улучшилось материальное положение семьи (76,0 %), улучшились жилищные условия (38,0 %), расширились возможности для совершения покупок (36,2 %), появилась возможность оплачивать учебу детей (16,4 %) и помогать родственникам материально (9,0 %). В то же время мужчины отметили, что стали меньше времени уделять воспитанию детей (58,0 %), домашним делам (47,2 %), общению с родственниками, друзьями (43,2 %), у них ухудшилось здоровье (50,0 %).

У мужчин — вахтовых мигрантов преобладает мнение об отсутствии какого-либо влияния вахтовой миграции на внутрисемейные отношения (36,5 %), у их жен — об ее отрицательном влиянии (35,4 %). Но при оценке ситуации в своих семьях частота суждений об отрицательном влиянии сокращается в два раза и значительно возрастает число суждений о нейтральном («никаком») влиянии миграции на семью. Так, на то, что миграция негативно сказалась на отношениях в семье, указали 10,8 % вахтовиков и 16,6 % их супруг; на отсутствие какого-либо влияния — 50,0 и 41,0 % соответственно. Примерно одинаковая доля вахтовиков и их жен отметили положительное влияние вахтовой миграции на внутрисемейные отношения (17,0 и 19,0 % соответственно); гораздо меньшая часть и мужчин (10,8 %) и женщин (16,6 %) — ее отрицательное влияние.

В контрольной группе семей меньше положительных (7,0 — 8,0 % мужчин и женщин) и больше отрицательных (39,0 — 41,0 %) оценок вахтовой миграции как фактора внутрисемейных отношений.

В ходе исследования выяснялось, какая из двух ценностей — семья, крепкий брак или материальное благополучие, достаток — является доминирующей для супружеских пар из разных категорий семей. Большинство супругов сделали выбор в пользу ценности семьи и брака. Однако в семьях вахтовых мигрантов таких ответов несколько меньше (82,3 % мужчин и 78,3 % женщин), чем в контрольной группе семей (92,4 и 90,8 %). Соответственно главенство материальных ценностей выбрали больше респондентов из групп семей вахтовых мигрантов (17,7 % мужчин и 21,7 % женщин), чем из «обычных» семей (7,6 и 9,2 % соответственно). Женщины в обеих группах семей демонстрируют несколько большую ориентированность на материальное благополучие, чем их супруги.

Респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале свою семейную жизнь: насколько хорошо или плохо она у них сложилась. Более 60 % дали максимально высокую оценку («сложилась очень хорошо»). Однако такие положительные оценки больше звучали в ответах супругов из «обычных» семей (68,0 % мужчин и 65,3 % женщин), чем из семей вахтовиков (62,4 % мужчин и 60,0 % женщин). Последние чаще характеризовали свою семейную жизнь как «сложившуюся хорошо» (30,0 — 32,0 %), в контрольной группе семей такую

оценку дали меньше респондентов (23,0 — 25,0 %). Крайне негативных оценок («семейная жизнь не сложилась» или «совсем не сложилась») в ответах супругов из обеих категорий семей практически не было.

Большая часть супругов из обеих групп семей (61—62 % женщин и 73—75 % мужчин) считают, что их семейная жизнь вполне соответствует ожиданиям, которые были у них до вступления в брак. Противоположной точки зрения придерживаются от 2 до 4 % опрошенных. 15—16 % женщин и по 27 % мужчин на соответствующий вопрос ответили: «Пожалуй, лишь частично».

Таким образом, анализ данных о том, как оценивают участники вахтовой миграции и их супруги последствия временной занятости для семьи показывает следующее. Безусловным положительным эффектом временной занятости является улучшение материального положения семьи, расширение ее возможностей для удовлетворения своих потребностей. Однако есть и негативные последствия этого участия и для вахтовых мигрантов, и для их жен. Мужчины, несмотря на то что и на расстоянии стремятся находиться в постоянном контакте со своими супругами, детьми, осознают: они в меньшей мере реализуют свои роли отца, супруга. У значительной их части это вызывает определенную неудовлетворенность, хотя сами вахтовые мигранты и их жены в большей степени придерживаются мнения о том, что вахтовая миграция не оказывает какого-либо существенного влияния на внутрисемейные отношения супругов.

Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что вовлеченность современной семьи в транслокальную миграцию способствует трансформации традиционных гендерных стереотипов и норм поведения. Исследование также показало, что участие в вахтовой миграции для семей является вынужденной мерой, о чем говорит их выбор в пользу ценности семьи и брака, а не материального благополучия, а также относительно меньшая доля тех, кто очень высоко оценивает свою семейную жизнь, по сравнению с супругами из контрольной группы семей.

Библиографический список

- Бредникова О., Ткач О.* Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72—95.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 1. С. 51—58.
- Кайзер М., Бредникова О.* Транснационализм и транслокальность: (комментарии к терминологии) // *Миграция и национальное государство* / под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: Центр независим. социол. исслед., 2004. С. 133—146.
- Капустина Е. Л.* Между севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 26—34.
- Когай Е. А., Зотов В. В., Каменева Т. Н.* Социокультурные риски семейно-брачных отношений в условиях глобализации пространства жизнедеятельности человека // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 4. С. 263—270. URL: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/033-038.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

- Макарова О. И. А. Аппадурай: культурное измерение глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2013. № 3. С. 33—37.
- Между домом... и домом: возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т. Г. Неведовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. М.: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, 2015. 74 с.
- Плюснин Ю. М., Заусаева Я. Д., Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
- Толстокорова А. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 2. С. 98—121.
- Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М.: Дело, 2015. 108 с.

References

- Brednikova, O., Tkach, O. (2010) Dom dlia nomady [Home for nomads], *Laboratorium*, no. 3, pp. 72—95.
- Florinskaia, Iu. F., Mkrтчian, N. V., Maleva, T. M., Kirillova, M. K. (2015) *Migratsiia i ryнок truda* [Migration and the labor market], Moscow: Delo.
- Kaizer, M., Brednikova, O. (2004) Transnatsionalizm i translokal'nost': (Kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality: (Comments on terminology)], in: Baraulina, T., Karpenko, O. (eds), *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo*, St. Petersburg: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy, pp. 133—146.
- Kapustina, E. L. (2017) Mezhdru severom i zemle: doroga iz Zapadnoy Sibiri v Dagestan kak element sotsial'nogo prostranstva translokal'nogo migranta [Between the North and the Earth: the road from Western Siberia to Dagestan as an element of the social space of a translocal migrant], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 26—34.
- Kogaï, E. A., Zotov, V. V., Kameneva, T. N. (2013) Sotsiokul'turnye riski semeino-brachnykh otnosheniy v usloviakh globalizatsii prostranstva zhiznedeiatel'nosti cheloveka [Sociocultural risks of family and marriage relations in the context of the globalization of the space of human activity], *Uchënye zapiski: Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 263—270.
- Makarova, O. I. (2013) A. Appadurai: kul'turnoe izmerenie globalizatsii [A. Appadurai: the cultural dimension of globalization], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, seriia Filosofskie nauki, no. 3, pp. 33—37.
- Mkrтчian, N. V., Florinskaia, Iu. F. (2015) *Trudovaia prostranstvennaia mobil'nost' rossii na primere zhiteley malykh gorodov* [Labor spatial mobility of Russians on the example of residents of small cities], Moscow: Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoy sluzhby.
- Nefedova, T. G., Averkieva, K. V., Makhrova, A. G. (eds) (2016) *Mezhdru domom... i domom: Vozvratnaia prostranstvennaia mobil'nost' naseleniia Rossii* [Between the house... and the house: Recurrent spatial mobility of the Russian population], Moscow: Novyy khronograf.
- Pliusnin, Iu. M., Zausaeva, Ia. D., Zhidkevich, N. N., Pozanenko, A. A. (2013) *Otkhodniki* [Migrant workers], Moscow: Novyy khronograf.

- Tolstokorova, A. (2013) Transnatsional'naiia i gendernaia paradigmy v izuchenii mezhdunarodnoi mobil'nosti: na primere Ukrainy [Transnational and gender paradigms in the study of international mobility: the case of Ukraine], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 12, no. 2, pp. 98—121.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoi sem'e: gendernye stereotipy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian Family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.

Статья поступила 02.10.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хилажева Гульдар Фаритовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия, hilazhevagf@isi-rb.ru (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation).